

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации Катерины Алексеевны Львовой
«ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ СХЕМЫ МИФОМЫШЛЕНИЯ В
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ»,

представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности

10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

Едва ли не каждая нынешняя диссертация по теории литературы обречена быть рассмотренной через призму развернувшейся в последние годы острой дискуссии, касающейся самой сути этой науки. Ее канонической трактовке как теории эстетической деятельности в слове, или, по Бахтину, «эстетике словесного творчества», противостоит сегодня далеко не безобидная теоретическая позиция, которую В. И. Тюпа в одной из своих последних статей назвал «инструментализмом».

Наличие отмеченного полемического фона придает дополнительную привлекательность диссертации К. А. Львовой, создавая ему – фону – статус знака, которому, как нас убеждает выстроенная в диссертации исследовательская парадигма, её магистральная «схема» (знак – символ – мифологическое сознание – миф), тоже суждено будет когда-нибудь превратиться в миф.

Кстати, слово «схема» вынесенное в название, вначале способно насторожить своей уж очень очевидной рациональностью, кажущейся буквализм которой впоследствии «растворяется» благодаря убедительно доказанной научной новизне исследования. Последняя удачно совмещает выверенное в дискурсионном смысле препарирование только что упомянутой парадигмы, с неординарным комментарием приёмов и механизмов используемой при этом мифологической семиотизации литературных текстов, с одной стороны, ставших достоянием научной мысли, и с другой, произведений, сравнительно недавно вошедших в научный оборот. Такой

сопоставительный подход позволяет обнаружить прежде неведомые смысловые пласты в крайне неоднозначных ныне представлениях о взаимоотношениях Автора и Героя в условиях литературного мифа. Этому во многом способствует только что упомянутая дискурсионность, выступающая здесь не в общем значении синонима любой речи, а утверждающая логически обоснованную речь

Другой, несомненно, выигрышной стороной работы в контексте актуальных дискуссионных проблем современности выступает очевидное стремление соискательницы осмыслить культурно-эстетическую эволюцию самого феномена нашей литературной классики, которую в свое время великий немецкий писатель Т. Манн с полным на то основанием определил как «святая русская литература». И дело не только в том, что нас не могут не беспокоить нынешние попытки некоторых зарубежных коллег поставить под сомнение масштабность и уникальность русской классики, которая равно как греческая трагедия, немецкая философия или итальянская опера относится к одному из самых поистине великих национально-культурных явлений мировой культуры. Ставшими уже привычными идеологизированно-политологическим интерпретациям, в первую очередь, подвержены произведения Лермонтова, Толстого и Чехова, ибо они внешне удобнее всего укладываются в уже давно отменно разработанную, не гнушающуюся историографической спекулятивности парадигматику столь модных ныне постколониальных исследований.

Сказанное свидетельствует о несомненной актуальности комплекса выносимых на защиту положений – той актуальности, которая вполне наглядно, хотя и лаконично сформулирована на с. 16-17 диссертации, где говорится о русской классической литературе как об особом типе знакового пространства, ставшим питательной средой, «строительным материалом» для

романа ХХІ века; о резко изменившихся в наше время роли и месте читателя; о процессах ре- и демифологизации в современной литературе как основах писательских стратегий и т.д.

Идею научной новизны работы К. А. Львовой с перечнем выносимых на защиту, а затем и убедительно обоснованных положений, без особого риска ошибиться можно было бы сформулировать как необходимость **перепроверки и обновления контекста**. Под контекстом в данном случае подразумевается уже сложившийся в отечественном литературоведении «неомифологический дискурс», после Набокова и Булгакова несколько обмельчавший и выхолостившийся, но благодаря, согласно авторитетного мнения В. Руднева, постмодернизму, «поставившего его на место», оживившему, но одновременно и лишившего его той сверхценной культовой роли, которую он играл в середине ХХ века.

Смыслосодержательная специфика названия рецензируемой диссертации – «Постмодернистские схемы (выделено нами.- В. III.) мифомышления в современной русской прозе» - допускает два способа раскрытия темы и, следовательно, использование одного из двух возможных структурно-композиционных алгоритмов исследовательского процесса. Первый зиждется на одновременном применении теоретического и практического подходов; второй же – на последовательной смене одного ракурса исследования другим; как правило, вначале доминирует описание теоретико-методологического аспекта, затем внимание автора акцентируется на литературоведческой прагматике, призванной подтвердить/обосновать сделанные в первой части работы научные предположения и гипотезы. Львова, что свойственно большинству молодых соискателей, отдающих предпочтение большей визуальной убедительности, выбирает именно второй путь.

Помимо этого, актуальность диссертации видится нам в структуре первой, историко-теоретической главы (с.19 – 41). Последовательно рассматриваются такие вопросы, как миф в роли культурно-исторического феномена, условия существования литературных мифов и миф в качестве «реальности литературного существования». Основные термины и понятия дают глубокие и, пожалуй, исчерпывающие представление о феномене мифа, уточняются его определения с учетом сложившихся в науке трактовок. Весьма своевременно сформирован тезаурус, значение которого, в чем убеждаешься по ходу развертывания «диссертационного сюжета» - особо возрастает в практической части исследования. Подкупает и то, как соискательница дифференцирует подходы и точки зрения зарубежных и отечественных ученых, прежде всего, А.Ф. Лосева и К. Леви-Стросса, Е.М. Мелетинского и М. Элиаде, Ю.М. Лотмана и Р. Барта, А.М. Пятигорского и Дж. Фрезера.

Некоторое недоумение поначалу вызывает апелляция диссертанта к творчеству В. В. Набокова. Затем осознаешь ее правоту, прежде всего, в композиционном контексте, ибо если говорить о зачатках неомифологизма, то, как известно, поэтика модернизма без него просто не могла состояться.

Наоборот, именно в нем, писала З. Минц, «миф <...> получает функцию «языка», «шифров-кода», проясняющего тайный смыслпроисходящего». Такие произведения Набокова, как анализируемый в первой главе роман «Приглашение на казнь» буквально наделяются «онтологическим бытием» и истинностью, то есть «приравняются к мифу» (З. Минц).

Автор убедительно показывает, что благодаря мифологическим элементам мифологизм обретает функцию инструмента повествовательного

структурирования, и уже в творчестве предвосхитивших Набокова символистов романы начинают играть роль текстов-мифов, или «мифов о мире», воссоздающих широкую панораму.

В целом совершенно логичным и аргументированным получается важнейший вывод к первой главе, утверждающий возникновение неомифа только при условии состоявшейся ремифологизации рационально построенного дискурса.

Идущая вслед за этим вторая глава богата как раз примерами трансформации мифа в неомиф в отечественной постмодернистской прозе, что, по сути, и составляет идею де-и ремифологизации, рассматриваемую, чему здесь уделено большое внимание, на основе вторичной семиотизации. Из всего множества мифологем – библейских, фольклорных, исторических – выделяются литературные, теряющие в наше время традиционные смыслы, но одновременно обретающие новые, как раз и создающие неомиф.

Вот почему данная глава содержит все признаки переходности. Ее отличает высокий уровень теоретических обобщений и одновременно изложены важнейшие – в представлениях соискательницы – принципы постмодернистских схем: ремифологизация и демифологизация.

К. А. Львова, несомненно, помнящая о словах М. Элиаде: «Трудно найти такое определение мифа, которое было бы принято всеми учеными и в то же время доступно и неспециалистам. Миф есть одна из чрезвычайно сложных реальностей культуры, и его можно изучать и интерпретировать в самых многочисленных и взаимодополняющих аспектах» (Элиаде М. Аспекты мифа / М.Элиаде.- М.: Академический проект, 2001.- 240 с.), весьма деликатно (хотя и настойчиво) формирует алгоритм собственного исследования теории мифа. Методологический плюрализм, ставший

естественной реакцией на крушение единственно правильного учения, изначально предполагавший примат субъективной интерпретации литературного процесса, употреблен ею во благо, а не во зло. Трактовки диссертантом во второй главе таких основополагающих для работы понятий, как «ремифологизация» и «демифологизация» отличаются исключительной корректностью и тонким осознанием восходящего к Лейбницу принципа достаточного основания. Сосуществование процессов ре- и демифологизации воспринимается в таком контексте косвенным подтверждением мифологичности русской классической.

Уточняя понятие «демифологизация» (её разновидностями являются приведение к абсурду, пародирование, реализация метафоры), автор справедливо пишет о необходимости создания альтернативных образов, метафорически раскрывающих непринятие того или иного содержимого мифа. Трудно не согласиться с выводом диссертанта о том, что приёмы демифологизации позволяют перевести слово русской классической литературы в контекст современности, дают возможность диалога с читателем. Специально приводятся примеры демифологизации, дающие новый толчок к развитию мифа посредством ситуации остранения, обновляющей читательское восприятие.

По такому же аналитическому алгоритму рассмотрено и явление «ремифологизации», подразумевающей семиотизацию образов, редукцию сюжета до имени, создание авторского мифа, обратимость оппозиции жизнь / текст), посредством которых мифологизируется обновлённое содержание.

Таким образом, признание русской классической литературы единым мифом и признание процессов вторичной семиотизации, ремифологизации и демифологизации замыкаются в кольцо. Эти явления и понятия

несостоятельны друг без друга, являются частями единой системы, в которой только и возможно прочтение литературного мифа.

Авторское ноу-хау в этой главе – преимущественное внимание на процессах вторичной семиотизации, становящейся результатом важнейшего авторского постулата о взаимодействии мифа и литературы в XX – XXI вв. Анализируя творчество современных писателей (А.Г. Битова, М. Шишкина, П. Крусанова, В. Маканина, В. Шарова), соискательница достаточно аргументировано описывает неомифологизм как новое явление, органично вписанное «в новую культурную ойкумену», в постмодернистское сознание, в котором все дискурсы уравниваются и читаются на одном и том же уровне.

Удачным следует признать обозначенный следующим образом процесс возникновения неомифа (или литературного мифа): миф теряет своё содержание, становится формой для содержания иного порядка, становится знаком, указывающим на иной смысл, потом вбирает в себя этот смысл настолько, чтобы подразумевать его, то есть становится символом этого содержания. Происходит процесс слияния формы (бывшего содержания) с новым содержанием, рождающим неомиф, или литературный миф.

Третья же глава – пиршество аналитических практик, реализованных благодаря действительно знаковым произведениям русского постмодернизма, начиная с его предтечи – Набокова и заканчивая последним романом безвременно ушедшего Владимира Шарова. Причем соискатель демонстративно избегает обращения к «признанным» лидерам литературы нового века – Пелевину и Сорокину, авторам, ставших символами художественных трансформаций последних лет. По их текстам не составит труда изучить особенности постмодернистского сознания. В то же время (даже не в лучших, а во всех своих текстах) данные классики постсоветской

идеологии стремятся показать себя классиками идеологического повествования, предложить не столько новые риторические интриги, сколько интриги, касающиеся места человека в мироздании, его самоопределения как экзистенциального, а не экспериментально-бумажного существа.

Всем ходом своего исследования, автор доказывает, что главной особенностью работы является анализ схем мифомышления, которые характерны для постмодернистских текстов: это схемы семиотизации русской классической литературы, схемы номинации героя и приёмы мифологизации.

Что касается тех фрагментов диссертации, где очевидно так называемое «углубление в текст» классических произведений, с нередким для такого рода экзерсисов однообразным топтанием, то нашим предварительным опасениям, слава Богу, как когда-то говорили марксисты, не суждено было сбыться: обсуждение даже известных широкому кругу читателей подробностей непременно содержало искус открытия перспективы нового прочтения. В силу этого счастливо удалось избежать заикливания исследовательской мысли, которая «снует» (И. Шайтанов) в одной и той же тематической колее.

Отдельно следует сказать об основной гипотезе исследования, для доказуемости которой весьма эффективно использован целый набор современных научных методов, начиная с мифопоэтического и интертекстуального и заканчивая онтологическим вкупе со структурно-семиотическим. «Русская классическая литература как единый текст, культурный концепт, - провозглашает К. А. Львова, - превращается в миф, становясь особым способом мировидения в мышлении современного читателя. Разделение содержательной части и структурной оболочки делает

образы классической литературы знаками, «кладовой архетипов», источником тем, идей, проблем. В результате разрушения мифа о классической литературе и её героях рождаются новые мифы. Процессы ре- и демифологизации сосуществуют и развиваются параллельно. Антимиф становится мифом, пародируемая парадигма мифологизируется, обновляется. Через отрицание мифологизируется, обновляется. Через отрицание идёт своеобразное утверждение (антимифы о Гоголе, Пушкине). Развенчанный миф обретает со временем статус мифа, порождая или провоцируя рождение его новой ипостаси» (с. 11).

В целом, следует признать, что именно такие определения в наибольшей степени адекватны авторской стратегии поиска, направленной на анализ постмодернистских нарративных литературных текстов с метатекстовой составляющей, что вполне соответствует новизне и неоднозначности выбранных диссертантом постмодернистских произведений, содержащих множество интерпретаций, а также требующих новых подходов в изучении, обновлении и уточнении терминологического аппарата литературоведения.

Работу отличает опора на хорошую теоретическую базу: библиографический список включает 202 наименования работ российских и зарубежных авторов, исключительно эффективно используются ресурсы Интернета, ссылки на которые одновременно идентифицируют и немалую научную эрудицию соискателя.

Объект и предмет исследования соотнесены корректно, хотя нам представляется, что в определении первого лучше было бы заменить «мифологические модели» на «художественные», дабы четче обозначить позицию соискателя в упомянутой полемике. Надо отметить деликатность в

обращении с научными фактами, что укрепляет чувство их достоверности и глубокой личной продуманности их смысла.

На наш взгляд, критерии, предусмотренные в п. 28 «Положения о присуждении ученых степеней и званий» ВАК РФ, соблюдены. Убеждает также уровень апробации результатов: их представления на конференциях, 11 публикаций в открытой печати, в том числе в 4 изданиях рекомендованных ВАК МО и науки РФ, повышают филологическую значимость работы, подчеркивают соответствие между ее содержанием и специальностью.

В работах, подобной рецензируемой, по сути своей, невозможно обойтись без фиксации спорных моментов. Сформулируем наиболее очевидные из них и поставим перед соискателем соответствующие вопросы. Тем более они совершенно естественны в отзыве рецензента, больше занимающегося в своей повседневной научной прагматике историко-литературной проблематикой, нежели теоретико-литературной.

Начнем с того, что во «Введении» было бы неплохо упомянуть о том, что три состоявшихся литературных века – золотой, серебряный, советский – весьма своеобразно «давят» на современный русский литературный процесс, порождают и вполне понятные комплексы, в том числе и «неомифологические», связанные с мыслью о проигранном времени, о почти неизбежной позиции аутсайдера нынешней литературной эпохи. Вместе с тем считать постмодернистскую иронию доминирующей реакцией на кризис словесности, с трудом выдерживающей давление великого прошлого, было бы слишком предсказуемым шагом, не отражающим всего многоцветья

сложившейся ситуации. Новейшая литературная ситуация (в аспекте ее взаимодействия с классическими дискурсами) значительно интереснее.

Иначе, уже во-вторых, складывается неверное представление о том, что лишь указанные в диссертации К. А. Львовой постмодернистские писатели взваливают на себя груз осмысления исторической преемственности. Тогда как быть с «невошедшим» в работу Достоевским – самой притягательной из классических фигур в современной отечественной прозе? Сложнее было бы сказать, в каких новейших текстах его влияние отсутствует. Причем Достоевский необходим не только имперскому прозаику Александру Проханову, но и его безусловному антагонисту Михаилу Шишкину – одному из конфиденциантов данной диссертации.

Третье. В выбранный для анализа с точки зрения воплощения неомифологизма перечень произведений современной литературы было бы неплохо добавить (ну или, по крайней мере, хотя бы сослаться в резюмирующем контексте) в качестве большей доказательности авторских положений ряд других. Например, «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева, «Бесконечный тупик» Д. Галковского, «Мифогенная любовь каст» П. Пеперштейна, «Накануне накануне» Е. Попова, «Голова Гоголя» А. Королева, «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и «Полонез Огинского» Н. Коляды, «Ворона» Ю. Кувалдина, «Дама с собаками» Л. Петрушевской, «Крыжовник» и цикл рассказов «Чехов с нами» В. Пьецуха, «Мой вишневый садик» А. Слаповского, «Чайка» и «Герой иного времени» Б. Акунина и, конечно же, «Хоровод» А. Уткина – старательно (и сознательно!) написанный «под русскую классику».

Более того, это уже четвертое замечание, даже репрезентированные в диссертации писатели выглядят несколько уныло без упоминания (не говоря уже об анализе) других своих произведений, вполне «вписывающихся» в парадигму проводимого диссертантом исследования. Скажем, набоковский «Подвиг» именно как мифопоэтическое произведение было бы неплохо рассмотреть на фоне гениального рассказа «Посещение музея», примечательного воплощением мифопоэтического хронотопа, в котором «время сгущается и становится формой пространства» а «пространство же, напротив, «заражается» внутренне-интенсивными свойствами времени» (Топоров В. Н. Пространство и текст. С. 232). Названный рассказ можно было бы включить и в текст параграфа 2.3 «Образ «музея» как идея хранения готовых смыслов» как еще один убедительный довод важности «музейного» мифа не только для Набокова, но и Битова, и Шишкина, и Шарова.

Аналогичные процедуры не были бы лишними и в разделах диссертации, посвященных анализу неомифологизма в творчестве Маканина («Лаз», «Кавказский пленный»).

Надеемся, что в ходе защиты услышим ответы диссертанта на поставленные вопросы.

Сделанные замечания носят частный характер и не снижают значения и ценности выполненного труда. Мы с удовлетворением отмечаем, что своей работой К. А. Львова достаточно успешно продолжает традицию неомифологического дискурса в отечественном литературоведении.

Диссертация представляет собой научно-квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства РФ о порядке присуждения ученых степеней от 24 сентября

2013 г. № 842, а ее автор, К. А. Львова, заслуживает присуждения ученой степени звания кандидата филологических наук по специальности 10.01.08 – теория литературы.

01.11.2019

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук

(специальность 10.01.01 – русская литература)

профессор кафедры языкознания, русской филологии,

литературного и журналистского мастерства

ФГБОУ ВО «Пятигорский

государственный университет» _____ В. И. Шульженко

Контактная информация:

Шульженко Вячеслав Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, русской филологии, литературного и журналистского мастерства ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»; 357 532, Российская Федерация, Пятигорск, проспект Калинина, 9. Телефон раб.: (879 3) 400347; моб.: 8 928 314 94 01; slawick.shulzhenko@yandex.ru; официальный сайт организации E-mail: www. pglu.ru

01 ноября 2019 года

*С отзывом ознакомлена
Львова Катерина Алексеевна*

8.11.2019

Ж